

Интервью с И. Бродским

(Которое никогда не было дано, а записывалось по мере общения в жизни)

- Иосиф, где вы родились?
- В Ленинграде, но это скучно и неинтересно.
- Кем были ваши родители?
- Отец - фотограф, мать - кто-то еще. Саша, честно, я ожидал, что это будет оригинальней.
- Я прочитал ваше "Посвящается Ялте", Иосиф, это просто гениально.
- Ну, не гениально, но - хорошо.
- Откуда вы знаете, что это хорошо?
- Все, что я делаю, - это хорошо, иначе я не делаю.
- Вы прочитали стихи Беллы, которые я вам давал? (Последняя подборка в "Новом мире", в конце 70-х.)
- Да. Не понравились совершенно.
- Почему?
- Слишком манерная Белла, да? И стихи такие.
- Жаль, мне очень понравились, думаю, это ее лучшие стихи. А Вознесенский вам нравится?
- Это вообще не поэзия, это нечто другое.
- А Евтушенко?
- Евтух? Талантливый мужик, талантливый.
- Неизвестный Рейн, он вам как? Я слышал, что он был вашим учителем?
- Ну, учителем он моим никогда не был. (У гениального Бродского не может быть учителей! - Прим. авт.) Но мы с ним довольно близко общались, что-то могло повлиять.
- Кто же тогда вам нравится из современных поэтов в России?
- Рейн хорош, но он не опубликованный там. Так что он сам по себе. Пожалуй, никто. Впрочем, вспомнил, Александр Кушнер, он живет в Ленинграде, он действительно поэт.
- (О вкусах не спорят: в 1987 г. я слушал его по приезде в Нью-Йорк и чуть не умер с тоски.)
- А кто-нибудь из прозаиков нравится?
- На ум сразу кто-то один не приходит.
- А Битов, "Пушкинский дом", вы читали?
- Читал.
- И как?
- Никак.
- Карл все носится с Соколовым, считает, что "Школа для дураков" - лучшая книга, которую "Ардис" за все годы публиковал.
- Он давал мне ее на отзыв, до публикации. У нас в Питере так мужики в 50-х писали (в стол), никто и не думал это публиковать.
- Так кто-нибудь нравится вам в прозе?
- С вами, прозаиками, вообще нелегко, не так просто разобраться, как с поэтами, да? И хотя я считаю прозу более "презренной" и гораздо ниже, чем поэзию... Да и вообще, разговор о поэзии и прозе давний, если вы заметили, тянется через века... Поэтому, возвращаясь к заданному вопросу: одного кого-то нет.
- Я только что прочитал "Ожог" Аксенова...
- Ну и как? (Впервые мелькнула искра интереса в бесцветных невыразительных глазах.)
- Очень сильный роман, великолепно написан.
- Да? Вы так считаете. Я с трудом продрался через первую часть, Карл дал для прочтения.
- А я читал только вторую часть (Карл

Анн - Бродский / Иосиф - Бродский и Фракталы - 1996, Голуб

«Смерть - это тот кустарник, в котором стоим мы все»

Нет больше поэта Иосифа Бродского. Это потеря для нас ни с чем не сравнима. То, что это поэт несравнимой величины, личность несоизмеримая, - было ясно давно. Но сейчас, после переживания утраты, наступит время для анализа этого явления поистине космического масштаба. Наступит время для канонизации. Канонизация - дело непростое, а иногда и хитрое, и лукавое. Порой уходит живое ощущение человека.

Предлагаемый вашему вниманию отрывок из интервью Александра Минчина с поэтом (1980 - 1984 гг.) не является интервью в классическом смысле этого слова. Интервью Бродский Минчину так и не дал. Объяснение отчасти следует из текста. (Данный материал был опубликован в книге А. Минчина "15 интервью", вышедшей в 1989 году в Нью-Йорке и не известной широко русскому читателю.) Но некоторое взаимное неприятие делает интервью, может быть, более интересным, чем другие - где журналисты, также не сумев пробиться к этой личности, достаточно сложной, не сумели донести и ощущения живого общения. Иосиф Бродский ушел от нас слишком рано. И велика будет потребность в воспоминаниях о нем, в рассказах, в слепках того времени, когда он был еще жив...

Смерть - не скелет кошмарный с длинной косой в росе.
Смерть - это тот кустарник, в котором стоим мы все.

Один из последних снимков И. Бродского, сделанный фотохудожником Сергеем Бермезевым 27 декабря 1995 года в Нью-Йорке.

дал для корректирования), обязательно прочтите, хорошо написано.

- Не думаю, но посмотрим.
- Кто-нибудь еще из прозаиков?
- Я, по-моему, никого не назвал.
- Ну а великий Солженицын?
- Эх-х... (взмах рукой, выражающий "пустое это все").
- Оставим современников, среди которых вы, безусловно, первый в забеге...
- Я так не считаю, я - в стороне, ни с кем куда не бегу. А что, кто-то бежит?
- Я образно выразился, это образ такой.
- Странные у вас образы, Саша.
- Я с вами себя очень стесненно чувствую и неестественно говорю...
- Может, не стоит говорить?
- Тогда возьмем целый XX век. Кто, вы считаете, был лучшим?
- В русской поэзии - Мандельштам, Цветаева, кто ближе мне, а вообще для меня единственная Поэзия, что можно ею назвать, да? - это великая четверка: Мандельштам, Цветаева, Ахматова, Пастернак.
- А Гумилев, прекрасный поэт?
- Для меня он не поэт вообще.
- Вы серьезно?
- Вполне.
- Что тогда Есенин, Блок, Бальмонт, Белый, И. Анненский, Мережковский, Кузмин, Волошин?
- Блок еще ничего. Вы же меня спросили о действительной поэзии, я вам ответил: толь-

ко эта четверка. Из течений единственное, которое представляло поэзию, - акмеизм.

- Я слышал, что вы не пришли по душе Великой Вдове?
- А, да, я заявлял к ней пьяный, старушка этого очень не любила.
- Ваши стихи я слышал тоже... неужели такое может быть, ведь...
- Это дело вкуса, кому какие стихи нравятся.
- Но вкус у нее есть?..
- Я предполагаю, что да.
- Поэтам все же не чужда "презренная" проза, ею пользовались и Цветаева, и Мандельштам, как вы к этому относитесь?
- Спокойно. Остались они все-таки известными как поэты.
- А "Доктор Живаго" вам нравится?
- Нет, совершенно, очень слабая, распадающаяся вещь, проза поэта. Стишки там сильные!
- Но именно за него ему дали премию.
- Это еще ни о чем не говорит. Как раз наоборот.
- Вы думаете, в будущем они дадут вам Нобелевскую премию?
- Ответьте сами себе на этот вопрос.
- Они пропустили многих гениальных людей: Набокова, Платонова, Мандельштама, Булгакова, Цветаеву. Слава Богу, хоть Бунина при жизни не пропустили.
- Согласен.
- Хотя поэзия у него, да и первый том - крестьянской прозы...

- Стишки у него слабенькие. С прозой дела были лучше.

- Кто из прозаиков в XX веке?
- Платонов - гениальный прозаик.
- Абсолютно гениальный стиль, думаю, лучший стилист в нашей литературе.
- У Булгакова есть неплохие вещицы. Бунин мне нравится.
- А Набоков?
- И да, и нет; это нелегкий вопрос. И вообще, я устал, хватит на сегодня, а?
- (И только тут я замечаю, что его ноги в грязных сапогах лежат на 2-томнике Ахматовой, один том в мягкой обложке, другой - в твердой, заброшенные на стол.)

* * *

- Ваше отношение к эмиграции?
- Не положительное. Здесь я общаюсь с людьми, с которыми дома даже и разговаривать бы не стал.
- А американцы?
- Американцы - ничего, с ними гораздо легче и приятней. Из всех приобретений здесь, русских, это только Миша Барышников, уникал, невероятно интересный человек, стихов знает не меньше, чем я.
- Кем вы себя чувствуете здесь, вы довольно хорошо ассимилировались?
- Изгоем. Да и там я себя чувствовал изгоем. Думаю, что я везде и всегда буду чувствовать себя изгоем.
- Вы тоскуете по своему сыну, живущему в Ленинграде? Знает ли он, кто его отец?
- Не думаю, что вас это касается.
- Вы не замечали, что вы умеете давить на нервы... собеседнику?
- Вы - собеседник?
- А, да, простите...
- Ну, побеседуем в следующий раз. Да?

* * *

- Карл мне сказал, что он опубликовал Лимонова под большим нажимом от вас.
- Не только моим.
- Вам действительно нравится, что он пишет, его поэзия?
- Не в том дело. Сам он - эдакий современный Смердяков. Да? Вам не кажется?
- Зачем же тогда?
- Алогичность поступков иногда бывает логична.
- Но к Достоевскому у вас никаких претензий нет?
- Я не понял вопроса, у меня ни к кому претензий нет, кроме как... впрочем, ладно.
- Он вам нравится, как писатель?
- Это гораздо более сложный вопрос, чем примитивное "нравится" или "не нравится". Достоевский, с его канцеляризмами, с его канцелярским языком. Позднее - да, нравился, но кое-чего он вначале не умел, потом, правда, научился. Например, писать "скандалы" среди его героев.
- Кстати, зоологический антисемит был. Да и вообще "расоненавистник", сосчитали, что он ненавидел 56 национальностей.
- Но мы его любим "не только за это..."
- Кстати, совершенно чудовищный лгун был. Наверно, каждый романист должен им чуть-чуть быть. Хотя в тех условиях, в какие писатель поставлен обществом, - удивляюсь еще, что он не крадет и не убивает.